

ПЕЧАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ

С ножом и обрезом

В августе 1994 года исполнилось сто лет со дня рождения Михаила Михайловича Зощенко. В газетах и журналах появилось немало хороших статей о нем. Но некоторые органы печати решили отметить этот юбилей по-своему. Например, газета "Московские новости" (№ 31) озаглавила публикацию, посвященную славному столетию, "Темный Зощенко". Автор статьи критик М.Золотоносов пишет: "Если бы не постановление 1946 года (имеется в виду известное постанов-

ление ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград"), Зощенко так и остался бы талантливым советским писателем. Сталинские унтеры превратили его в диссидента, каковым он никогда не был. Он решил задачу куда более скромную: не покушаясь на идеи и ценности режима приспособиться и выжить. Каждый его герой тоже только об этом и мечтает". Подчеркну в этом отрывке слово "тоже". Оно означает, что не только герои Зощенко были шкурники и приспособленцы, но и сам создатель их таков.

А как же "талантливый советский писатель"? По терминологии критиков типа М.Золотоносова, это не более, чем серенький литературный персонаж, растворивший свои первоначальные дарования в кислоте соцреализма. Так вот, не будь постановления ЦК, утверждает Золотоносов, Зощенко так бы и остался им и мы бы сейчас отмечали столетие не одного из лучших мастеров прозы XX века (каковым его признавали Ремизов, Есенин, Мандельштам и Ахматова), а в общем-то заурядного перерожденца с запуганным воображением, который, правда, почему-то умел смешить людей, как не смешил их в России никто после Гоголя.

"Одна из самых больших загадок — Зощенко периода "большого террора", — читаем в статье. — С одной стороны, ситуация оказалась настолько запредельной, что, кроме самоубийства, русский интеллигент, если был на свободе, ничего предпринять не мог. С другой стороны, Зощенко не мог не знать о миллио-

нах людей в концлагерях... По прозе Зощенко 30-х годов чувствуется одно: желание уцелеть".

Итак, Зощенко должен был покончить с собой, а раз он этого не сделал, то и не может именоваться русским интеллигентом.

"Темнота" в Зощенко, по мнению автора "Московских новостей", — это страх, страх, гнавший его по жизни и приведший вместе с другими писателями на Беломорканал, где окончательно совершилось его падение. Здесь он создал (цитирую Золотоносова) "позорную для русского писателя "Историю одной перековки", где "воспевает удушье застенка".

Вот таким предстает в августе 1994 года перед читателями уважаемой газеты Михаил Михайлович Зощенко. Зощенко, который ни разу не признал себя ни пошляком, ни подонком, как назвал его в своем докладе Жданов. Когда в мае 1954 года английские студенты встретились с Зощенко и спросили его, признает ли он постановление ЦК о себе правильным, он ответил: нет. Через месяц его снова линчевали в Союзе писателей (руководил этой расправой К.Симонов), и он вновь сказал: я боевой офицер, я имею пять наград, вы хотите, чтоб я признал, что я трус?

Дважды писал он самому Сталину, где — в первый раз — не соглашался с его, сталинской оценкой повести "Перед заходом солнца" и — во второй — с постановлением 1946 г., которое продиктовал он же, Сталин.

Трусы так не поступают! Убить этих его постулков, — что он хочет "выжить", "уцелеть" и все время цепляется за свое телесное бессмертие — значит не только не знать его биографию, но и не понимать его отношения к своим героям.

Фамилия Зощенко происходит от украинской клички (а он ведет свою родословную с Полтавщины), данной его предкам согласно их профессии. Они были выходцы из Италии и возводили на Украине храмы, расписывали иконостасы. Они были з о д ч и е: в малороссийском говоре "д" смягчилось и превратилось в "щ", что и дало фамилию Зощенко.

Так вот, Зощенко был зодчим. Не страх повелевал и распоряжался, что ему писать и что не писать, а великая сила зодчества, которая побуждает писателя, имеющего идеал, не ломать, а строить, создавать — а в случае с Зощенко радовать и успокаивать в беде и унижении. Смех Зощенко, как и смех Гоголя, светел; в нем нет зла и презрения к человеку, а есть сострадание и любовь, есть жертва добра перед лицом зла.

Смеешься, когда читаешь Зощенко, и дух воспаряет, возносит тебя над землей, где живут смешные и жалкие герои его сказов и притч, но жалки они не потому, что ничтожны, а потому, что их жалко, как жалко бывает себя, когда чувствуешь бессилие изменить что-то — порядок ли природы или природу самого себя.

Развенчивание авторитетов становится уже профессией в постперестроечной

журналистике. То тут, то там являются мальчишки с указками в руках и, как "маленькие-великие люди", про которых писал еще Белинский в статье "Менцель, критик Гете", тыча в портрет знаменитого человека, говорят брезгливо: нет, не то.

В только что вышедшем журнале "Столица" (№ 31) в роли такого мальчишка выступает Владимир Новиков. В качестве объекта разоблачения он избрал Венедикта Ерофеева и его повесть "Москва — Петушки". По определению критика, все это безвкусица, "творческая немощь", "щи из топора". Но "щи оказались жидкими", — иронизирует В.Новиков. В своей статье, названной "Три стакана терцовки", он обещает еще два подобных эссе — об Иосифе Бродском и Николае Рубцове. Работает гильотина нигилизма, работает!

В предисловии от редакции говорится, что "людям нервным, мрачным и глупым эссе Новикова читать не рекомендуется". Я думаю, что его не стоит читать и людям умным, веселым, щедрым и выздоравливающим от болезни взаимного обливания помоями.

К счастью, болезнь эта, кажется, проходит. Спрос на историческую, социальную и — мнящую себя аристократкой — эстетическую истребительную критику пал.

Хотя бесчисленные литературные киллеры все еще бродят по полю нашей словесности, выматривая очередные жертвы, на которые нацелены их обрез или нож.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ